

Алла Белоліпецкая

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Редактор серии *Екатерина Тёрина*

Оформление серии *Анны Кроник*

Иллюстрация на переплете *Ольги Саохелал*

Карта на форзаце *Евгении Лукомской*

Во внутреннем дизайне использованы элементы оформления:

© Yulia Bikirova / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Белолипецкая, Алла.

Б43 Купеческий сын и живые мертвецы: роман / Алла Белолипецкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-217215-1

Лето 1872 года. Невиданное бедствие обрушивается на тихий уездный городок: мертвые начинают восставать из могил. Ходячие мертвецы готовы заживо сожрать всякого, кто встанет у них на пути. Но их появление в городе – не случайность. Воевать с нежитью и доискиваться, кто вызвал её нашествие, выпадает девятнадцатилетнему Ивану: прямодушному и неискушенному в жизни купеческому сыну. Восстание живых мертвецов как-то связано с загадочной смертью его предка – купца-миллионщика Алтынова. И теперь молодой наследник алтыновского дела должен будет распрощаться с ролью Иванушки-дурачка, которую он всегда играл. Иначе ему не выжить и не спасти тех, кого он любит...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белолипецкая А., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-217215-1

Часть первая

ДУХОВСКОЙ ПОГОСТ

Глава I

ДОМ НА ГУБЕРНСКОЙ УЛИЦЕ

Иван Алтынов, девятнадцатилетний сын купца первой гильдии, не от хорошей жизни угнездился верхом на двускатной каменной крыше фамильного склепа. Рослый и крепко сложенный — косяя сажень в плечах, — Иван чувствовал себя в подобном положении, как собака на заборе. Но это было куда лучше, чем оставаться внизу — внутри купеческой погребальницы, дверь которой трещала под напором извне. Ради того, чтобы вылезти на крышу, Иванушке пришлось выбить в склепе бесценное витражное окно из венецианского стекла. А потом он ещё и ухитрился располосовать осколками ладони обеих рук. И всё равно мог считать себя счастливым.

Раны его уже не кровоточили: на руках купеческого сына белели матерчатые повязки. И всё же он не вполне твёрдо держал сейчас своё странное оружие: длинный шест с тряпницей на конце. Такими шестами обычно размахивают, гоняя голубей. Тряпницу на этой махалке, недавно белую, пятнало теперь какое-то грязно-бурое вещество. И оно же покрывало почти всю поверхность шестика. Впрочем, Иванушка на такие пустяки внимания не обращал. Понимал: эти пятна — отнюдь не самое

страшное для него и для тех, кто с ним вместе угодил в ловушку.

— И что мы станем делать дальше? — обратилась к Иванушке Зина — семнадцатилетняя дочка протоиерея Александра Тихомирова.

В отличие от Ивана, она не восседала на двускатной крыше верхом, словно на лошади. Но не потому, что девице было бы невместно так сидеть. Да и теперешняя её позиция вряд ли выглядела пристойнее. Дочка священника опустилась чуть ли не на четвереньки, свесила голову и безотрывно смотрела вниз. При этом подол её белого батистового платья прикрывал ей ноги лишь до середины голеней: девушка оторвала от него две полосы материи, чтобы перевязать руки своему другу детства Ивану.

Рядом с Зиной — почти в такой же позе, будто передразнивая её — застыл пушистый алтыновский кот Эрик Рыжий. Он словно бы охоту вёл: мышцы напряжены, взгляд устремлён вниз — на тех, кто бряцал и шелестел чем-то на земле. Иванушка дал имя коту в честь легендарного викинга-мореплавателя. А теперь вышло, что из-за дурачества своего молодого хозяина Эрик запросто мог уже нынче угодить в кошачью Валгаллу. Если таковая существовала, конечно.

Услышав Зинин вопрос, Иванушка только пожал плечами — не знал, что отвечать. Но девушка его движения не увидела — не поворачивала к нему головы. А потому переспросила:

— Так что? Сколько нам тут куковать?

— Понятия не имею, — сказал Иван. — Если бы как-то узнать, видят ли эти лю... эти существа в темноте... Ведь солнце вот-вот зайдёт.

Закатные солнечные лучи так подсвечивали шатровый купол храма Сошествия Святого Духа, к которому

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

примыкало кладбище, что церковное здание казалось скобоченным, напрочь лишённым симметрии. И это оптическое преобразование храма Божьего устрашало едва ли не больше, чем рваные силуэты тех, кто расхаживал сейчас внизу.

— А если они видят? — Зина кивком указала на плотную толпу тех, кого Иванушка не решился назвать людьми. — Тогда-то что?..

— Тогда, — сказал её друг детства, — мы побудем здесь до утра. А там — авось, прихожане соберутся на службу и поймут, что дела плохи. Да и телеграмма, которую ты отправила, должна будет уже прийти.

Впрочем, на неё особых надежд Иван Алтынов как раз и не возлагал. Адресату требовалось время, чтобы хотя бы сюда прибыть. И тем более — чтобы принять меры.

Но главное: они с Зиной оба понимали, что до утра им на крыше не высидеть. Над лесом, возле которого располагалась Свято-Духовская церковь, набухла тяжёлой влагой огромная иссиня-чёрная грозовая туча. И если бы дождь полил в полную силу, Иванушку, Зину и Рыжего Эрика просто смыло бы с крыши — туда, где запрокидывали свои безглазые рожки восставшие покойники.

Следовало бы сказать: куда ни кинь — всюду клин. Но купеческий сын вместо этого беззвучно прошептал:

— Пифагоровы штаны на все стороны равны... — А потом не удержался — прибавил: — Вот бы очутиться сейчас дома!..

1

Дом купца первой гильдии Митрофана Кузьмича Алтынова — двухэтажный, краснокирпичный, с белой отделкой, с высоким каменным крыльцом — располагался в южной

АЛЛА БЕЛОЛИПЕЦКАЯ

части уездного города Живогорска, что стоял на лесистой равнине в ста восьмидесяти верстах от Москвы. Богатому этому дому было полвека: его выстроил ещё в 1822 году дед Митрофана Алтынова. Денег уже и у него куры не клевали, и он не поскромничал: алтыновский особняк стоял протяжённым углом на пересечении Губернской улицы и Пряничного переулка, занимая чуть ли не полквартала.

Впрочем, переулок получил своё название уже позднее, благодаря именно купеческому дому, в первом этаже которого размещались две из многочисленных алтыновских лавок: кондитерская и колониальных товаров. И от кондитерской лавки исходил такой нестерпимо пьянящий карамельно-пряничный дух, что мало у кого из горожан хватало сил пройти мимо — не заглянуть в лавку, не купить себе хоть копеечного пакетика леденцов.

Алтыновский дом стоял почти на самой вершине пологого холма, поднимавшегося к городу со стороны Духова леса, Свято-Духовской церкви на его опушке и обширного погоста, вздымавшего рядом свои кресты. На холме этом купеческий дом выглядел подобием флагманского корабля. Его словно бы поднимала волна, и он, устремляясь углом-носом вверх, рассекал Губернскую улицу, состоящую в основном из домов скромных и деревянных, хотя и добротных.

Единственный сын купца, вихрастый детина Иван Алтынов, прожил в этом доме все девятнадцать лет своей жизни. Он даже и обучение проходил на дому: отец не скупился — нанимал ему лучших гувернёров. Поначалу-то, правда, Митрофан Кузьмич хотел отправить сынка учиться в гимназию, но только Иванушку выгнали прямо из приготовительного класса. Сказали: бестолков, неусидчив, учителей не слушает. И главное — всё время витает где-то в облаках. Да ещё и норовит взглядывать поминут-

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

но вверх — в небеса. Правду сказали, чего уж там тень на плетень наводит. Хотя, конечно, совсем не в облаках состояло дело.

И сегодня, августовским днём 1872 года, Иванушка грезил о том же, о чём и всегда.

Солнце начало источать зной ещё до полудня. Так что купеческий сын успел после завтрака взмокнуть в своей пиджачной паре, которую он по настоянию отца носил дома. И с нетерпением ожидал момента, когда его отец уйдёт, по обыкновению, из дому. Один или вместе с Иванушкиным двоюродным братом Валерьяном, который уже почти два месяца повсюду сопровождал Митрофана Кузьмича. Тогда Иван смог бы переодеться в свой *затрапез* — как называла эту одежду их пожилая экономка баба Мавра, которую прежде именовали просто ключницей. Только она и проживала в комнатах второго этажа вместе с купцом Алтыновым и его домочадцами. Вся остальная прислуга занимала примыкавшую к дому одноэтажную пристройку, где размещались также кухня, прачечная и большой ледник. А чуть поодаль, в глубине двора, стоял обширный каретный сарай. Задней стеной он примыкал к огромному яблоневому саду. И над сараем этим было обустроено помещение, единственно важное для Иванушки во всех немаленьких владениях его отца.

А сейчас Иван Алтынов сидел в гостиной на чёрном кожаном диване с высокой спинкой и машинально проглядывал оставленную отцом вчерашнюю газету. Не читал — просто выхватывал заголовки заметок: «Государь император намерен встретиться с германским кайзером и австро-венгерским монархом», «Завершено строительство Поти-Тифлисской железной дороги», «В городе Нарва началась стачка на Кренгольмской мануфактуре».

АЛЛА БЕЛОЛИПЕЦКАЯ

«Интересно, — подумал Иванушка, — кто подбил ткачей бастовать? Их же всех уволят! У нас ведь не Англия — тред-юнионов нет». И тут прямо у себя за спиной он услышал женский голос:

— Умаялся уже от жары, дружочек мой? Не чаешь, когда в прохладу попадешь?

Иванушка даже вздрогнул — всё не мог привыкнуть к обладательнице этого голоса. Многие годы в их с отцом жизни никакие женщины не присутствовали — за исключением бабы Мавры разве что. Из её-то рассказов Иванушка и знал историю своего рождения и отцовского вдовства.

Митрофану Алтынову и его жене Татьяне Дмитриевне десять лет Бог не давал деток, рассказывала купеческая ключница. А когда Татьяна Дмитриевна его наконец-то понесла, уж как они оба радовались!.. Вот только роды оказались тяжёлыми, неудачными. Иванушка родился весь синий, и доктор, которого купец Алтынов вызвал, не доверяя повивальным бабкам, думал уже: младенец не выживет. Но всё-таки сумел новорождённого откачать. Только вот у матери Ивана открылось кровотечение, и унять его доктору так и не удалось. Мать ещё успела взять ребёнка на руки — увидела, что живой он! И даже сказала, улыбнувшись: «Ванечка, сыночек...» А потом испустила дух.

Иванушка, пока был маленький, много раз Мавру переспрашивал: да точно ли всё было именно так? Ведь он явно помнил лицо своей матери — и не по дагеротипу, что висел у отца в кабинете. Ибо материнское лицо он помнил в цвете — и до сих пор будто воочию видел изумрудные искры серёжек в матушкиных ушах. Да разве ж сумел бы новорождённый младенец запомнить подобные детали? Но потом, когда Иванушка стал постарше, переспрашивать он перестал. Так что у Мавры Игнатьевны отпала

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

необходимость клясться и божиться, что — да: именно так. С чего бы она, Мавра, стала выдумывать такое!

Во второй раз Митрофан Кузьмич так и не женился. И женщина, окликнувшая теперь Ивана, была ему не мать и не мачеха, а тётка по отцу, Софья Кузьминична Эзопова. Она уже лет пятнадцать как сама овдовела. А после смерти мужа — богатого купца и бывшего делового партнёра своего брата — сразу же уехала вместе с сыном Валерьяном куда-то за границу. То ли во Францию, то ли в Италию. И возвратились они оттуда только в начале нынешнего года. Тётка была всего на пять лет младше Митрофана Кузьмича — ей уже стукнуло пятьдесят. Но выглядела она молодо, кокетливо: любила принарядиться, всегда завивала волосы. И, как подозревал Иванушка, даже подкрашивала губы — уж больно яркого оттенка они у неё были. А теперь на губах этих играла самая что ни на есть приветливая улыбка.

Однако Иванушка не улыбнулся в ответ. Он вообще стеснялся улыбаться. Семь лет назад он выбил себе передний зуб — при обстоятельствах, из-за которых его отец сердился до сих пор. Но при появлении тётеньки купеческий сын чуть приподнялся с дивана и даже склонил голову в учтивом поклоне. Софья Кузьминична с первого дня своего появления в доме внушала ему лёгкую оторопь, но вместе с тем — и некое подобие уважения.

— Да, тётенька, сегодня жарковато, — кивнул Иванушка. — И скоро я пойду на голубятню. Как только батюшка меня отпустит.

2

Митрофан Кузьмич Алтынов, купец первой гильдии, начал утро с того, что приказал работнику одной из своих лавок погрузить на телегу два пуда воску — для церковных

АЛЛА БЕЛОЛИПЕЦКАЯ

свечей. В них обнаружился сильный недостаток: всё по-жгли на Ильин день. Так что настоятель Свято-Духовского храма, отец Александр Тихомиров, вынужден был даже отменить сегодняшнюю вечернюю службу, опасаясь конфуза: когда нечего окажется возжигать перед ликами святых. День был будний, никаких значимых праздников на него не приходилось. И священник заранее всем объявил: нынче вечером церковь будет закрыта. А сам отправил нарочного к купцу Алтынову, который состоял старостой при храме Сошествия Святого Духа уже полтора десятка лет — с того самого времени, как потерял жену. И положил для себя: ни одной минуты в течение дня не оставаться праздным, чтобы не позволить бесовскому унынию собою овладеть.

Купец Алтынов частенько бывал в разъездах — по коммерческим делам. А его бестолковый сынок, Иванушка, либо торчал на своей голубятне, возвышавшейся в дальней части двора, либо просиживал штаны в уездной публичной библиотеке. Читал книги прямо там — почти все карманные деньги тратил на плату за абонемент. Конечно, Митрофан Кузьмич мог бы привозить сыну разные книжки из своих многочисленных поездок, однако делать этого решительно не желал. Нечего было потакать недорослю, который даже отцовскому делу выучиться не мог. Читал хорошо, писать умел прямо-таки каллиграфически, а вот арифметику не освоил почти что вовсе. Складывать и вычитать ещё мог, а уж умножение и деление для него были словно китайский язык. Учитель только и сумел вбить ему в голову за три года занятий что глупейший стишок: *Пифагоровы штаны на все стороны равны.*

Ну и как, спрашивается, было такого сынка допускать к торговому делу? Весь отцовский капитал он спустил бы вмиг.

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

Митрофан Кузьмич завздыхал, закручинился, когда подумал про сынка. Вот ведь напасть какая! Вся надежда была теперь только на племянника Валерьяна: умного, хватистого, расторопного. Тот, конечно, летами был по-старше Иванушки — ему шёл уже двадцать шестой год. Но Митрофан Кузьмич имел основания полагать, что сын его и к пятидесяти годам не наберётся такого разуму, каким Валерьян обладал уже сейчас. И всё же — всё же, до того, как принять окончательное решение, купец Алтынов хотел наведаться на Духовской погост: помолиться в фамильном склепе. Ну, и в сам храм зайти, конечно же. Попросить у Господа наущения в нелёгком деле, которое Митрофану Кузьмичу предстояло.

Оставшись без жены, купец Алтынов чуть не ежедневно посещал Духовскую церковь: договаривался с тамошним настоятелем об устройстве в храме второго престола — в честь святой мученицы Татианы. Он и денег давал храму, и сам закупал материалы для строительства. А потом как-то само собой вышло, что прихожане избрали Митрофана Кузьмича мирским старостой. И с тех пор переизбирали уже пять раз. Так что купец-миллионщик всё свободное от повседневных трудов время посвящал церковным делам.

Настоятель церкви, протоиерей Александр Тихомиров, не раз аккуратно расспрашивал Митрофана Кузьмича: не имеет ли он намерения вступить в новый брак? Намекал даже, что подыщет ему достойную невесту. Но тот неизменно отказывался. Тем более что сынок Иванушка всё время был перед глазами. А он лицом уродился весь в мать.

Только вот все те же признаки, что казались исполненными прелести у Татьяны Дмитриевны, у Ивана выглядели чуднее чудного. И волосы он имел светло-каштанового оттенка, как у матери. Но не лежали они у Иванушки золотыми завитками, а торчали рыжими космами. И глаза он

имел большие, голубые, точь-в-точь как у Татьяны, однако глядели они всё время как-то глуповато. А уж про улыбку сынка и говорить было нечего! После нелепой истории с котом Эриком Рыжим, когда Иванушка выбил себе передний зуб, среди сверстников к нему так и приклеилось прозвище *Щербатый*.

Но главное: после того случая Иван, во всём остальном — совершенно бесстрашный по причине беспечного легкомыслия, стал до одури бояться собак. Так что купец Алтынов не мог даже держать при лавках, что торговали в первом этаже его дома, сторожевых псов на цепи. Иванушка при взгляде на скалящихся собак будто примерзал ногами к земле. И обретал вид совсем уж дурковатый и бессмысленный. Только отведя от него собак сажень¹ на двадцать, можно было заставить его стронуться с места.

В общем, не мог такой сынок стать наследником по купеческому делу. Это Митрофан Кузьмич уразумел со всею ясностью ещё семь лет назад — после происшествия с котом, которому Иванушка дал имя в честь какого-то варяжского героя. Но Митрофан Кузьмич жалел бесполовое детище, нанимал ему учителей, всё надеялся: те научат его хоть каким-то азам жизненных знаний. Только всё было впустую. И нынешним летом, которое теперь катилось к концу, купец Алтынов наконец-то решил, что следует принять необходимые меры.

3

Софья Эзопова тоже присела на кожаный диванчик — так близко от Иванушки, что задела его своими пышными юбками. Купеческий сын машинально чуть отодвинулся

---

¹ Сажень = 2,16 м.

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

от неё, но та будто и не заметила его движения. Тётенька склонилась к племяннику и так приблизила своё лицо к его, что Иванушку посетила дикая и крайне неприятная мысль: уж не намеревается ли Софья Кузьминична его поцеловать? Женщин он немного побаивался и в свои без малого двадцать лет оставался девственником. Была, правда, одна девушка в Живогорске... Если бы она сейчас сидела с ним на диванчике... При этой мысли Иванушке даже краска в лицо бросилась.

Кожа у юноши была как у всех рыжеволосых людей: молочно-белая, очень легко краснеющая. Так что тётка заметила, конечно же, его румянец. Но, похоже, истолковала всё неправильно: на губах её заиграла понимающая и какая-то ехидно-довольная улыбочка.

— А не знаешь ли ты, дружок, — чуть растягивая слова, выговорила она, — куда это батюшка твой собрался сегодня? Один, да ещё и не в коляске, а на телеге? Будто мужик деревенский! Валерьян пытался его расспросить, куда он едет. Даже предлагал с ним отправиться — вдруг помощь какая-нибудь понадобится. Но Митрофан ничего ему отвечать не стал. Вообще ничего — просто промолчал.

При упоминании двоюродного брата Иванушка испытал смутную тревогу. Слишком уж часто тот вызывался сопровождать его отца и помогать ему. Даже тогда, когда Митрофан Кузьмич о помощи и не просил. Да, с одной стороны, появление Валерьяна в доме радовало Иванушку: отец перестал приставать к нему самому со странными предложениями учиться купеческому делу. Как будто не знал, что не выйдет из этого никакого толку. Но, с другой стороны, Ивану не давали покоя те взгляды, которые Валерьян бросал на его отца, когда думал, что никто этого не видит. Взгляды эти были алчные и словно бы испытующие.